

Давайте сначала вернемся в нашу комнату.

В тот момент, когда эти слова сорвались с моих губ, я смог заметить заметные отличия в поведении Цзюцяньсуя. Я даже почувствовал его мгновенное замешательство и панику. Неожиданно его глаза, которые мгновение назад яростно блестели, стали дальше от меня. Из его носа донесся приглушенный ответ: «Нг».

Полагаю, это будет считаться его ответом на мой вопрос.

Я, собственно, и не хотел показать, что вообще забочусь о нем, и не хотел вызывать каких-либо недоразумений. Что было для меня еще более удивительным, так это то, что наше недоразумение было настолько впечатляющим, что оно могло немедленно подействовать и утешить его, как успокаивание кошки, у которой шерсть встала дыбом.

Единственная причина, по которой я задал этот вопрос, заключалась в том, что я внезапно осознал, что, поскольку император уже страдал от подобных переживаний раньше, он, должно быть, ненавидел эти иррациональные утверждения, такие как «те, кто проявляет милосердие к другим, не способны править». В этом случае, хотя преднамеренная провокация Цзюцяньсуя удерживала его величество от подозрений, ему, должно быть, было трудно избежать раздражения императора, поэтому ему все равно пришлось бы терпеть ярость его величества.

Как только я разобрался с этим, мне не составило труда сделать вывод, что он скрыл от меня некоторые детали, когда рассказывал мне эту историю.

И именно поэтому мой вопрос вылетел из моих уст незамеченным.

В глубине души отношение Цзюцяньсуя ко мне повергло меня в огромный шок, а тревога и трепет в моем сердце сразу же усилились. Эти чувства расширились, кипели и беспокойно вращались в моей груди, наполняя ее.

Я не собирался притворяться в своих чувствах к нему или лгать ему, но я также не понимал, как все оказалось в таком положении. В этот неловкий момент я оказался перед дилеммой, не зная, следует ли мне наступать или отступить.

Вокруг было так тихо, что я мог слышать даже звон в ушах. Мы оба продолжали стоять неподвижно в положении, в котором ни один из нас не чувствовал себя комфортно. Однако никто из нас не пошевелился. Наши чувства вернулись к нам только тогда, когда темные тучи рассеялись, и лунный свет снова щедро засиял у наших ног.

Цзюцяньсуй сделал шаг первым и отпустил руки, которые крепко сжимали меня. Он отступил на полшага, его лицо скрылось в темной тени камня, делая его неясным.

Понимание бешено росло в моей груди, и я не был уверен, стоит ли мне продолжать наш разговор на эту тему или нет. Мои пальцы, спрятанные под широкими рукавами, сжимались и расслаблялись, и только через несколько раз я набрался смелости и дотянулся до рукава Цзюцяньсуя. — На улице прохладно.

Почти удушающая атмосфера сделала мой голос глубоким и глухим, и казалось, что я действительно простудился. Я тяжело сглотнул, пытаюсь сделать свои слова более четкими. «Дужу, давайте сначала вернемся в нашу комнату».

В тот момент все казалось слишком странным. Все, что мне хотелось, — это немедленно убежать от своих чувств из-за моего неловкого присутствия.

"Хорошо."

Рука Цзюцяньсуя слегка двинулась и внезапно повернулась, чтобы схватить меня за руку и повести обратно к мощеной дорожке в саду.

В нашей спальне было много света от свечей, и оранжевый свет своим теплом освещал всю комнату — даже Цзюцяньсуй казался нежным под его магией.

Я впервые видел обнаженное тело Цзюцяньсуя, пока сам был в полном сознании. Он не был худым или хрупким, мускулы его верхней части тела казались мощными и великолепными. Единственная проблема заключалась в том, что из-за его бледной кожи пурпурно-красный синяк на правом плече выглядел еще более устрашающе. Когда я обошел вокруг, чтобы проверить его спину, я увидел десятки длинных шрамов, густо распределявшихся по его широкой спине. Хотя шрамы выглядели так, будто их оставили здесь много лет назад, я все же смутно мог сказать, что это следы кнутов.

Я резко и глубоко вздохнул.

Во дворце единственным человеком, который любил пользоваться кнутами, был предшественник Цзюцяньсуя.

Цзюцяньсуй, казалось, был крайне обеспокоен тем, что выставил передо мной свое обнаженное тело. Хотя он и не призывал меня торопиться, его жесткое выражение лица и поза выдавали его мысли. Поэтому мне пришлось действовать быстрее, прикладывая травы к его синяку, и сразу же обернуть его одеждой, как только я закончил.

После Праздника фонарей прошло больше полумесяца, но синяк остался большим пятном на плече — было видно, что он серьезно ранен. Однако за последние несколько дней я ни разу не видел, чтобы он им занимался. Как будто его он и не волновал бы, если бы я о нем не узнал.

Он сидел тихо, создавая у меня впечатление раненого мастифа, и я не мог не погладить его по

голове.

Однако мои мысли были всего лишь неосязаемыми мыслями, а Цзюцяньсуй не был мастифом.

Он воспользовался нашим положением и применил легкую силу, чтобы посадить меня к себе на колени, а после этого осыпал меня поцелуями. Его мягкие губы коснулись кончиков моих бровей, век, кончика носа, щек и, наконец, губ.

"Хм..."

Ощущение, как его язык трётся о моё небо, было чем-то, с чем я просто не мог справиться, сколько бы раз это ни происходило. Я вдруг ослабил защиту и издал приглушенный стон от какого-то невыносимого порыва. Я почувствовал, как руки Цзюцяньсуя сжались вокруг меня, поэтому неосознанно вцепился в его плечи, покорно поднял голову и открыл каждый дюйм рта, приветствуя его вторжение.

Я не хотел намеренно притворяться своими чувствами, чтобы обмануть его, и мне было не по себе, принимая его пылающую любовь как нечто само собой разумеющееся, хотя при этом казалось, что она меня не трогает. Я боялся всего, что он мне давал, и боялся, что не смогу дать ему ничего взамен.

Если бы это было всего лишь небольшое подчинение... Если бы он мог получить от этого хоть какое-то удовлетворение, тогда мои опасения и беспокойство также могли бы быть несколько смягчены.

Я никогда не испытывал ни от кого любви или заботы. Так что все, что я чувствовал, кроме беспокойства, — это бремя.

После этого Цзюцяньсуй больше никогда ничего не упоминал о той ночи. Он также избегал разговоров о прошлом между мной и Его Королевским Высочеством. Как всегда, он был занят делами при дворе, а я изо дня в день оставался в особняке Дюгонь.

Внутри особняка Дюгоней было своеобразное хранилище, которое представляло собой хранилище разных книг. Цзюцяньсуй специально приказал освободить для этого хранилища небольшую комнату. Комната имела яркое освещение и была защищена от пыли и влаги. Внутри хранились всевозможные книги, а за ними приставлены были слуги, но никто никогда не приходил их читать.

Около шести или семи лет назад двор призвал простых людей читать больше. Были открыты многочисленные частные школы, и многие книготорговцы прибыли в столицу со своими книжными запасами. Однако они не ожидали, что столкнутся с самым сильным наводнением за последние десять лет. Поскольку простые люди потеряли свое имущество во время наводнения, все затянули пояса, что стало еще одним тяжелым ударом по ценам на книги, которые были ещё и влажными от наводнения и дождя. Эти факторы еще больше усложнили

продажу книг, и большое количество торговцев понесло огромные убытки. Опасаясь, что купцы никогда больше не приедут в столицу и что укоренившаяся в народе привычка к чтению будет забыта, двор вынес постановление, согласно которому каждый чиновник выше пятого ранга должен был купить несколько книг, чтобы купцы могли преодолеть свои невзгоды. В результате почти в каждом дворе чиновников столицы имелось хранилище для таких книг, в том числе и в особняке Шуньван.

Книги у этих мелких торговцев были, конечно, разные. Хотя они и не были настолько неприличными, чтобы о них нельзя было упоминать в ежедневных разговорах, они, тем не менее, отличались от книг Цзюцянсуя о политике и управлении королевством. Таким образом, эти книги были брошены в угол на долгие годы. На самом деле я не был заядлым читателем, но мои дни были слишком скучными, потому что мне нечего было делать, поэтому я нырнул в книжный склад, чтобы убить время.

К счастью, среди этих разношерстных книг было немало интригующих романов и легенд, с которыми я мог проводить дни.

Хотя... Совершенно неожиданно для меня было откопать в хранилище книгу по неофициальной истории.

И по совпадению, эта книга была об отвратительных тайнах, скрывающихся за показным фасадом двора.

Я не знал, о чем думал, когда открывал главу под названием «Евнухи». На улице светило яркое солнце, а мои служанки молча ждали у дверей. Я спрятался среди стопки книг, как вор, и украдкой открыл предисловие к главе.

«Кастрированным мужчинам удалили «яйца» и оставили нетронутыми «столбы». Они не были ни мужчинами, ни женщинами, ни Инь, ни Ян, и поэтому не могли выполнять свои естественные обязанности».

«У кастрированного может время от времени возникать всплеск желания, но он не имеет возможности его высвободить. Раз такие состояния терпится, они склонны к развитию извращенного ума или находят радость в жестоком издевательстве над теми, кто ниже их».

«Хотя евнухи могут занимать высокие места при дворе, их тела были осквернены, а их жизнь презренна. Их больше всего ненавидят чиновники двора и военные. Только те, кто предпочитает искусство лести и хитрости, готовы вступить с ними в союз».

<http://bllate.org/book/14094/1239609>